

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 1999 г.

ЗАПАДНЫЕ ВЛАДЕНИЯ КАССИТСКОЙ ВАВИЛОНИИ В XV–XIV ВВ. ДО Н.Э. И АРАМЕЙСКОЕ (АХЛАМЕЙСКОЕ) ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

В специальных работах вопрос о западных пределах Касситской Вавилонии, настолько нам известно, не рассматривался; общие же реконструкции, как правило, проводят касситские границы на этом направлении примерно в районе Ита (Нижнего Туттуля)¹. Между тем имеющиеся источники позволяют, на наш взгляд, продемонстрировать проникновение касситов по Евфрату далеко на запад (вплоть до рубежей Сирии-Палестины) и связать крушение касситской власти в этих областях с известными крупномасштабными этническими сдвигами на южной периферии Плодородного полумесяца. Открывающаяся здесь картина позволяет частично пересмотреть устоявшееся мнение о внешнеполитической слабости Касситской Вавилонии и подкрепить новыми деталями предположение И.М. Дьяконова о связи между касситской экспансией и перемещениями сугиев за пределы Месопотамии².

1. Касситское господство на западе в амарнскую и предамарнскую эпохи.

Обширный корпус источников доказывает устойчивую власть Касситской Вавилонии в регионе Хана – Мари³ в амарнскую и околоамарнскую эпохи. Прежде всего, хорошо известные из амарнских документов EA 1–14 (переписка Аменхотепа III (1405–1368 гг.) с Кадашман-Эллилем I (ок. 1380–1368 гг.) и Аменхотепа IV (1368–

¹ Ср. реконструкцию И.М. Дьяконова: Всемирная История. Т. 1. М., 1955. С. 317, карта. В известных нам зарубежных обобщающих работах границы Касситской Вавилонии не показаны вообще, а Верхняя Месопотамия традиционно рассматривается как область исключительного господства Ассирии и Митании. Дж. Буччеллати в работе, специально посвященной истории Среднего Евфрата во второй половине II тыс., не включает его ни в одну из сопредельных держав: *Buccellati G. From Khana to Lagê: The End of Syro-Mesopotamia // De la Babylonie à la Syrie, en passant par Mari. Liege, 1990. P. 239 f.* О возможном присутствии касситов на Среднем Евфрате писал только Дж. Бринкман (*Brinkman J.A. Notes on the Mesopotamian History in the Thirteenth Century B.C. // BiOr. 1970. XXVII. 5/6. P. 312*), однако без уточнения исторического контекста.

² ИДВ. С. 422 сл.

³ Хана и Мари рассматриваются, по крайней мере у Тукульти-Нинурты I (ARI. I. P. 119), как две различные, хотя и соседствующие страны: в самом деле, основные центры Ханы лежали не на Евфрате, как у «страны» Мари, а на Хабуре см. *Podany A.H. A Middle Babylonian Date for the Hana Kingdom // JCS. 1991–1993. 43–45. P. 60 f.* Таким образом, и историческая судьба их, вообще говоря, могла быть различна. Однако запустение области Среднего Евфрата как такового в среднеавилонскую эпоху (*Podany. Op. cit. P. 62. Not. 84*), едва ли позволяющее считать Мари в это время важным особым центром, в сочетании с общей геополитической связью Ханы и Мари делает такое предположение менее вероятным и позволяет предварительно рассматривать их как единый регион с общей политической судьбой. В самом деле, Ашшурбелкала ассирийский (XI в.) знает «Тукульти-Мера, царя страны Мари», но сам себя некий Тукульти-Мер среднеассирийского времени, судя по месту правления и имени, тот же самый, именует «царем страны Хана» (ARI. II. P. 49, 60).

⁴ Оговорим принятые нами датировки. Египетская хронология для рассматриваемого периода может быть установлена лишь приблизительно и приводится нами с незначительными модификациями по кн.: *Hornung E. Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Neuen Reiches. Wiesbaden, 1964. S. 108 f.*; ассирийская, опирающаяся на твердые основания, дана согласно статье: *Boese J., Wilhelm G. Aššur-dan I. Ninurta-apil-Ekur und die mittelassyrische Chronologie // WZKM. 1979. 71. S. 19–38*; наконец, вавилонская

1351 гг.) с Бурна-Буриашем II (1367–1340 гг.) непрерывные интенсивные контакты Египта и Вавилонии при Тутмосе IV (1415–1405 гг.) – Караиндаше (ок. 1415 г.)⁵ и особенно при Аменхотепе III / Аменхотепе IV – Куригальзу I / Бурна-Буриаше II, сопровождавшиеся интенсивным обменом посольствами, караванами подарков и даже присылкой колесниц из Вавилона в Египет (ЕА 1:89–92), вряд ли могли осуществляться «через голову» третьей державы, тем более, что цари-корреспонденты, подробно обговаривая всевозможные вопросы, связанные с организацией и движением посольств, не дают при этом ни единого намека на возможный проезд по чужой территории и какие-либо связанные с этим трудности (ср. с ЕА 7; 16; КВо I 10 и многими другими письмами, где упоминаются препятствия, чинимые посланцам по пути). Путь из Египта в Вавилонию, таким образом, не контролировался никакой третьей державой и на различных своих участках мог быть только египетским, вавилонским или нейтральным. В частности, такой путь должен был пролегать через Приевфратье (так как альтернативная северомесопотамская дорога заведомо шла по территории Митанни и к тому же была куда длиннее). Поскольку столь важный стратегический регион, как Приевфратье, в рассматриваемую эпоху ничейным быть, очевидно, не мог⁶, а египетский контроль во всяком случае не заходил на восток далее линии Дамаск – Нухашше, остается считать, что Приевфратье принадлежало царям Вавилонии. Из сказанного следует, что *termino ante quem* для установления касситской власти в этих местах является правление Караиндаша, со времени которого Бурна-Буриаш II числил непрерывный дружественный обмен посольствами между Египтом и Вавилонией (ЕА 10: 8–10; ср. ЕА 8: 11–12; 9: 7–9).

Далее, на внутренней стенке кузова гробничной колесницы Тутмоса IV рядом с изображениями голов азиатов, символизирующих побежденные фараоном страны Севера, надписано: «Нахарина, Сангар, Тунип, Шасу, Кадеш, Тихси» (далее изображены нубийцы и перечислен ряд областей Нубии)⁷. В подобные перечни подвластных или разгромленных народов те или иные страны попадали, вообще говоря, на различных основаниях: 1) прецеденты посольств и дипломатических даров могли толковаться как признание зависимости; 2) войска этих стран сталкивались с войском фараона на поле боя и были им, по крайней мере официально, разбиты; 3) наконец, сами страны действительно были покорены или хотя бы затронуты военными действиями египтян. Какова же причина включения в приведенный список Сангара, т.е. Касситской Вавилонии⁸? Великие державы в подобные перечни обычно попадали, естественно, первым путем, причем помещались в начале списка (в порядке общих притязаний Египта на вселенское владычество), после чего упоминались отдельные области Сирии и Нубии, для которых декларации об их поражении или покорности могли иметь уже вполне реальное значение. Именно так, к примеру, построена карнакская надпись Сети I. По той же схеме составлен как будто и наш перечень. Казалось бы, трудно предполагать, чтобы Вавилония могла попасть в такой список иначе, как первым

хронология привязывается к ассирийской и египетской и дается в основном по статье: *Boese J. Burnaburiaš II, Meliṣipak und die mittelbabylonische Chronologie // UF. 1982. 14. S. 15–26* (с систематической коррекцией 15-летнего понижения египетских датировок у этого автора по сравнению с принятыми нами, ср. *Hornung. Untersuchungen...* S. 110 f.).

⁵ Караиндаш как царь, положивший начало этим контактам, упоминается в ЕА 10:8; Тутмос IV как их участник – в ЕА 1:63.

⁶ В силу своего географического положения Приевфратье сохраняло независимость только при отсутствии поблизости великих держав; между тем в изучаемое время вся жизнь Передней Азии направлялась именно четырьмя такими державами, из которых две (Митанни и Вавилония) тесно граничили с обсуждаемым регионом.

⁷ *Carter H., Newberry P. The Tomb of Thoutmosis IV. L., 1904. P. 32 f.; Helck W. Urkunden der 18. Dynastie. B., 1961. S. 150. Ch. Giveon R. Thutmosis IV and Asia // JNES. 1969. 28. P. 56 f.*

⁸ К идентификации Сангар – Вавилония см. *Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien in III und II Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962. S. 278*, см. также библиографию; содержание заключительной части мемфисской стелы Аменхотепа II вполне выясняет вопрос об их тождестве.

путем, тем более что вавилоняне действительно присылали в Египет посольства и дары, начиная со времени Тутмоса III. Однако если бы рассматриваемая надпись действительно составлялась по предположенному принципу⁹, весьма странным, имея в виду всеохватные претензии такого перечня, выглядело бы отсутствие в нем рядом с двумя поименованными великими державами Передней Азии по крайней мере третьей (Хеттского царства; в самом деле, для включения его в такой ряд имелись точно те же основания, что и для Вавилонии). Естественно было бы также ожидать упоминания Эгеиды и др.¹⁰ Не меньшую странность составило бы отсутствие в нашем перечне палестинских топонимов на фоне наличия сирийских и при том, что в Палестине Тутмос IV заведомо воевал¹¹. Приведенные соображения заставляют нас признать за списком Тутмоса IV более конкретный характер и считать, что в него вошли страны, вовлеченные в орбиту реальных войн этого фараона¹², действительно совершавшего походы в Сирию (против Митанни) и Нубию¹³. В частности, отсутствие палестинских топонимов легче всего объяснить тем, что фараон хотел «северной» частью списка увековечить именно свою конкретную митаннийскую войну (в самом деле, все страны азиатской части списка, упоминающей Сангар, размещаются на реальном северо- и среднесирийском театре войн с Митанни). В таком случае и включение в список Сангара должно было восходить к некоему реальному событию (скорее всего пограничному столкновению), которое могло иметь место только в том же средне/северосирийском регионе. Такой конфликт подразумевал бы прямое военно-политическое присутствие касситов на рубежах Сирии, т.е. во всяком случае, их власть над регионом Хана – Мари и продолжающим его участком Заевфратья, который один мог выводить касситов к названным рубежам¹⁴. Таким участком географически должно было быть Джебель-Бишри («Горы амореев // Горы ахламеев» месопотамских историков), в самом деле включавшееся в среднеевфратские владения месопотамских владык (например, при Тукульти-Нинурте I¹⁵).

Касситское утверждение в Приевфратье, очевидно, должно было уже состояться к моменту столкновения Тутмоса IV с вавилонянами. Между тем это столкновение в свою очередь не может разбивать непрерывный период египто-вавилонской дружбы (от Караиндаша до Эхнатона, см. выше) и должно предшествовать ему. Итак, правление Караиндаша снова оказывается *termino ante quem* для установления касситской власти на Среднем Евфрате.

Выдвинутая нами гипотеза о конфликте Египта с Вавилонией при Тутмосе IV находит косвенное подтверждение в той же амарнской перепiske. Зачинателем вавилоно-египетской дружбы, непрерывно продолжающейся вплоть до времени Бурна-Буриаша II / Эхнатона, называется в ней, как мы помним, Караиндаш. С египетской

⁹ Такой характер ее предположили Д. Лортон и Б. Брайан: *Bryan B.M. The Reign of Tuthmosis IV. Yale, 1980. P. 431, 451. Not. 85.* К их мнению приближается Р. Гивеон (op. cit., p. 56).

¹⁰ Действительно, в известных перечнях такого рода возможности расширения списка используются, естественно, по максимуму; из остальных трех известных нам кратких перечней, упоминающих Сангар (т.е. составленных, учитывая их исторический контекст, с заведомым использованием первого способа комплектования списков), единственный сохранившийся целиком (изображение пленников с надписями на колонне Аменхотела III в Солебе, см. BAR. II. 859) называет после Сангара Нахарину, Хатти, сирийские области, Кефтиу, Ашшур и Аррапху. Очень плохо сохранившийся карнакский список Сети I (Petrie G.I. *History of Egypt. III. L., 1905. P. 16*) приводит все же и Сангар(т), и Хатти, и Нахарину. Наконец, в своей мемфисской надписи (*Helck. Urkunden... S. 40*) Аменхотеп II также предпочитает называть одновременно Нахарину, Хатти и Сангар.

¹¹ *Giveon. Op. cit. P. 55 f.*

¹² С чем лучше согласуется и помещение нашего списка именно на боевой колеснице.

¹³ См. *Giveon. Op. cit.; Bryan. Op. cit. P. 422–445.*

¹⁴ Альтернативный путь через Тадмор здесь не годится, так как регион Тадмора вошел в сферу возможной касситской экспансии только позднее, при Кадашман-Харбе I, см. ниже.

¹⁵ См. перечень стран, отторгнутых им у Вавилонии: *ARI. I. P. 119.*

стороны таким же зачинателем считался, видимо, Тутмос IV¹⁶ – во всяком случае, более ранних царей наши корреспонденты никак не упоминают, хотя в целом амарнская переписка довольно щедро на отсылки к историческим прецедентам. Между тем вавилоняне дружелюбно сносились с Египтом и при Тутмосе III, и при Аменхотепе II, с которым, возможно, даже заключили договор¹⁷. Эти события должны были, по крайней мере частично, предшествовать правлению Караиндаша и заведомо предшествовали Тутмосу IV. Таким образом, Тутмос IV и Караиндаш могли считаться зачинателями египто-вавилонской дружбы лишь постольку, поскольку подобные же отношения, существовавшие до них, были прерваны неким актом враждебности, имевшим место между 9-м годом Аменхотепа II (дата упомянутого выше визита вавилонских послов) и некоторым моментом правления Тутмоса IV. Полученная картина хорошо согласуется с предложенным выше выводом о вавилоно-египетском столкновении в ходе сирийской компании Тутмоса IV.

Наконец, так известно по PDK 2: 14–20 и ряду аррапхитских документов¹⁸, митаннийский царевич Шаттиваса к исходу амарнского периода бежал из Митанни на юго-восток, проник через Аррапху в Кардуниаш (Касситскую Вавилонию), а оттуда, несмотря на ссору с вавилонским царем, смог добраться до Хатти. Каким путем мог двигаться Шаттиваса из Вавилонии к хеттам? На территорию Митанни, откуда он только бежал, спасая свою жизнь, и где продолжали править его враги, вступать он не мог. Единственным коридором, связывающим вавилонские владения с хеттскими и при этом хотя бы гипотетически неподконтрольным Митанни в рассматриваемое время являлась долина Среднего Евфрата. Остается считать, что она и в самом деле не принадлежала митаннийцам, и Шаттиваса попал в Хатти именно через нее¹⁹. Однако если Приевфратье не было митаннийским, оно должно было быть либо нейтральным (что, как мы помним, маловероятно), либо вавилонским. Таким образом, мы снова приходим к выводу о касситском господстве на Среднем Евфрате в амарнский период. Заметим, что рассмотренные данные говорят о распространении касситской власти на ту же территорию, что и приведенные выше свидетельства эпохи Тутмоса IV, т.е. на район Хана – Мари и продолжающийся его отрезок долины Евфрата до Нухашше (где начинались уже хеттские владения)²⁰.

Поскольку Северная Сирия начиная с правления Тутмоса IV (как и на протяжении большей части предшествующих египетских правлений) Египту не принадлежала, оказавшись в амарнский период ареной хетто-митаннийского противоборства, отмеченные выше касситские контакты с фараонами осуществлялись не через нее. Тем самым для них оставался возможным единственным альтернативный путь – через Тадмор (Пальмиру). Дополнительное свидетельство в пользу такого положения дел можно найти в EA 7: 73–75 (письмо Бурна-Буриаша II Аменхотепу IV): «Касательно моего посла Цалму, его караван дважды грабили, в первый раз его ограбил (ih-ta-b[a-at])

¹⁶ EA 1: 63 (Аменхотеп III – Кадашман-Эллилю I): «Когда ты пишешь, что я поступаю не по слову моего отца (Тутмоса IV – А.Н.), ты не приводишь его слов». Поскольку при этом Кадашман-Эллиль не мог вспоминать Тутмоса IV как своего собственного контрагента (уже отец Кадашман-Эллиля был партнером того же Аменхотепа III, EA 1: 11–12, 72–73; 3: 9; 9: 29–30 и др.), очевидно, он ссылался на этого фараона как на правителя, стоявшего у истоков той египто-вавилонской дружбы, которая связывала самого Кадашман-Эллиля с Аменхотепом III.

¹⁷ См. мемфисскую надпись Аменхотепа II, после описания похода 9-го года: «Вот услышали правитель Нахарины, правитель Хатти, правитель Сангара о великой победе, добытой [царем]. Наравне друг с другом они поднесли всевозможные дары всех чужеземных стран. Испрашивая мира у Его Величества (...), они сказали: "Мы идем с нашей данью в твой дворец (...)"» (Urk. IV. 1309. 13–20. Ср. Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М., 1980. С. 74; *Helck. Urkunden...* S. 40).

¹⁸ См. *Янковская Н.Б.* Аррапха – убежище Шаттивасы, сына Тушратты // ВДИ. 1979. № 4.

¹⁹ Действительно, вероятное чтение одного аррапхитского документа позволяет предполагать, что Шаттиваса еще в Аррапхе готовился к путешествию в Мари (*Янковская.* Аррапха... С. 34 сл.).

²⁰ Добавим, что все доказательства касситского контроля над Тадмором амарнской эпохи, которые будут приведены нами далее, равным образом подразумевают власть касситов в Приевфратье, так как только через него могла осуществляться их связь с Тадмором.

Пирьяваса (правитель Дамаска²¹. – А.Н.)»; следовательно, касситское посольство двигалось в Египет через Дамаск²². Однако если бы оно прибыло в египетскую Азию по Евфрату, то должно было бы оставить этот город в стороне, двигаясь по маршруту Евфрат – район Катны – Кадеш – Кумиду (главный город египетской «провинции» Упе) – долина Иордана и далее. Побывать в Дамаске Цалму мог только при движении через Тадмор. Учитывая обычную судьбу мелких политических образований Передней Азии в период доминирования четырех великих держав (особенно в том случае, когда они, как это и было с Тадмором, представляли для этих держав особый интерес и подвергались их действительному проникновению), рассмотренная ситуация позволяет предположить военно-политический контроль касситов над Тадмором амарнской эпохи. Такой контроль подтверждается и прямыми показаниями источников. Так, ЕА 9: 19–30 (письмо Бурна-Буриаша II Аменхотепу IV) сообщает: «Во время Куригальзу, моего (пра)отца, кинахайцы (т.е. ханаанеи. – А.Н.) совокупно написали ему так: "К границе страны [мы пойдем] и взбунтуемся (i ni-ba-ál-ki-ta-am-ta), и с тобой вступим в союз (it-ti-ja ni-šá-ki-in)". Мой (пра)отец написал им так, говоря: "Перестаньте искать союза со мной; если вы поведете вражду с царем Египта, моим братом, и захотите присоединиться к кому-либо другому, разве я не приду и не разорю вас, ибо он в союзе со мной?" Мой (пра)отец ради твоего отца их не послушал!».

И желание ханаанеев «вступить в союз» с Куригальзу (т.е. сменить египетскую власть на вавилонскую²³), и его ответная угроза ханаанеям имеют смысл только при наличии общей границы между касситскими владениями и египетской Азией, в частности Ханааном. Касситского господства над долиной Среднего Евфрата было бы для этого недостаточно: во-первых, потому, что оно в любом случае выводило бы касситов не к Ханаану, но лишь к Северной Сирии, во-вторых, потому, что в рассматриваемую эпоху, когда Северная Сирия принадлежала Митанни / Хатти, контроль над Приевфратьем вообще не давал бы касситам соприкосновения с египетскими владениями в Азии. В рассматриваемое время подобное соприкосновение могло осуществляться только через Тадмор.

Добавим, что Рибадди, князь Библа, в одном из писем фараону (конец правления Аменхотепа III или начало правления Аменхотепа IV, т.е. ок. 1375–1360 гг.) жаловался на известного Абди-Аширту в следующих выражениях: «Кто он такой, Абди-Аширта, собака, что он ищет забрать все города, (о) Царь-Солнце, себе? (Разве) он

²¹ То, что Пирьяваса правил именно в Дамаске, следует прежде всего из ЕА 197: 20–21, где он, по-видимому, заявляет, что укрепился против своих врагов в этом городе. То же самое явствует из ЕА 53: 34, 63–65, где Акиззи, правитель Катны, описывая положение в «провинции» Упе и жалуясь на местных князей, восставших против Египта, сначала называет в качестве их противников, верных фараону, только себя и Пирьявасу, а затем констатирует, что среди княжеств Упе преданность Египту сохраняют именно Катна и Дамаск. Поскольку сам Акиззи, как упоминалось, правил в Катне, Дамаск здесь остается на долю Пирьявасы.

²² Возможное альтернативное объяснение заключалось бы в том, что Пирьяваса разграбил караван не у себя, а где-то в чужой области (т.е. совершил туда налет). Однако тогда Бурна-Буриаш указал бы, очевидно, и место ограбления, иначе фараон не мог бы провести расследования дела, а именно его и добивался Бурна-Буриаш, см. ЕА 7: 78. Кроме того, такое объяснение плохо согласуется с источниками, не отмечающими для Пирьявасы никакой «беззаконной» активности в провинции Упе; более того, другие упоминания его в амарнском корпусе (ЕА 52: 45–46; 53: 34; 151: 62; 197: 17; 250: 24) как раз противопоставляют его своевольным местным князьям в качестве верного вассала фараона и опоры порядка в крае. Налет на касситских послов, расположившихся к тому же на территории другого княжества, едва ли совместим с подобной репутацией. В свете сказанного и саму форму *ih-ta-ba-at* здесь было бы лучше переводить как «обобрал» (вымогательствами при проезде через свою территорию), тем более что в качестве доверенного лица египтян в «провинции» Упе Пирьяваса мог пользоваться особым могуществом.

²³ При сохранении египетского подданства ханаанеев «союз» с ними не мог представлять для Куригальзу никакой ценности, да был бы и формально невозможен. Как видно и из обещания ханаанеев «взбунтоваться», и из выражений вавилонского ответа, речь шла именно о попытке жителей Ханаана свергнуть египетскую власть (будь то в союзе с Вавилонией или с кем-либо другим).

царь страны Митанни или царь страны Кашше, чтобы попытаться забрать себе страны царя (Египта. – А.Н.?)» (ЕА 76 : 11–16). Итак, за царем касситов («страны Кашше») действительно признавалась реальная возможность захватить страны египетской Азии – совершенно так же, как в предыдущем примере. Повторим, что такая возможность требует наличия протяженной египто-вавилонской границы, начиная от Центральной Сирии и далее на юг.

Наконец, можно полагать, что в письме, направленном в Египет, Барна-Буриаш называл бы «кинахайцами» только обитателей «провинции» с официальным египетским названием «Кинаххи» (Ханаан), в которую Дамаск не входил. Если при этом, как представляется, верно, что разобранный отрывок предполагает соприкосновение касситов именно с «кинахайцами» (а не с египетской Азией вообще), то отсюда надо будет вывести и распространение касситских владений от Тадмора на юго-запад, к заиорданской части Ханаана (район Аштарот – Кенат) в обход Дамаска.

Более определенные сведения по этому вопросу дает ЕА 255: 8–25 (письмо Мут-Баалу из Пеллы, сына Лабайя сихемского, Аменхотепу IV): «Царь, мой господин, послал Хайа ко мне сказать: "Караваны, воистину, отправлены в Ханигальбат, так что отправь их дальше". Кто был бы я, если бы не отправил (u-wa-še-ru) караваны царя, моего господина, дальше? Смотри, Лабайя, мой отец, служил царю, своему господину, и он отправлял (ju-wa-še-ru) все караваны, которые царь отправлял в Ханигальбат. Пусть царь, мой господин, отправит (li-wa-še-ra) караваны в Кардуниаш, я доставлю их (ub-ba-lu-ši) туда так, что они будут в полной сохранности». Трудно представить себе, чтобы владетельные палестинские князья Лабайя и Мут-Баалу несли перед фараоном своего рода гужевую повинность по перевозкам в Вавилон; очевидно, их деятельность сводилась просто к охране караванов на собственной территории. Тогда обещание «доставить» караваны в Кардуниаш может означать лишь то, что на пути караванов Сихемское царство прямо соприкасалось с территорией, принадлежащей Кардуниашу²⁴. Тем самым последняя целиком покрывала тадморский путь (единственно могущий в этом случае подходить для движения названных караванов) вплоть до заведомо египетского Дамаска. В самом деле, относительно Ханигальбата (Митанни) Мут-Баалу подчеркнуто говорит только об «отправке», а относительно Кардуниаша – о «доставке»; это лишний раз перечеркивает гипотезу «извоза» (она с равными основаниями относилась бы к Митанни и Вавилонии) и подтверждает наше предположение, поскольку такую антитезу лучше всего было бы объяснять именно тем, что с Кардуниашем Сихем граничил, а с Митанни – нет.

Наконец, из приведенного отрывка как будто видно, что Лабайя и Мут-Баалу занимали экстраординарное среди сирийских владетелей положение официальных наследственных отправителей фараоновских караванов в Ханигальбат и Кардуниаш. Иными словами, фараон рассматривал именно Сихемское царство, как свои «ворота» во внешний мир (причем по отношению как к Вавилону, так и к Митанни), чего, разумеется, не могло бы быть, проходя египетские караваны из Сихема – Пеллы в египетский же Дамаск (представлявший собой отдельный крупный центр, находившийся в другой провинции и управлявшийся собственным экстраординарным правителем). Итак, из заиорданских владений Сихема и Пеллы путь действительно уходил прямо в Вавилонию на Тадмор, минуя Дамаск и вообще все иные египетские владения. Реконструированный таким образом маршрут хорошо ложится на местность, идя к северу от лавовой гряды Джебель-Друз и далее вдоль южного склона Думейра, к северу от которого пролегал традиционный путь Тадмор – Дамаск. Как говорилось, где-то на этом пути сфера влияния Сихема прямо граничила с Кардуниашем; разумеется, подавляющая часть пути при этом должна была принадлежать не Сихемскому царству (и без того чрезмерно растянутому), а Вавилонии, причем в соответствующем месте стояла застава или пограничный знак, которые единственно могли предоста-

²⁴ Только тогда Мут-Баалу мог бы приведенной фразой брать на себя ответственность за прибытие караванов «в Кардуниаш».

вить Мут-Баалу формальные основания отчитаться о том, что он «доставил» караван в Кардуниаш. Западная граница Кардуниаша, таким образом, должна быть существенно продлена на юго-запад, отводя под власть касситов практически всю населенную сугиями Сирийскую степь.

Итак материалы ЕА 1–14 дают нам основание заключить, что, самое позднее, со времен Караиндаша (конец XV в.) регион Хана – Мари находился в руках касситов; между тем в XVI – начале XV в. он принадлежал еще Митанни²⁵. Очевидно, в промежутке между концом XVI и концом XV в. касситы захватили у митаннийцев этот район, что удобно сопоставлять с эпохой неудачных для Митанни войн с Египтом в правление Тутмоса III (сер. XV в.). Это подтверждается и рядом других обстоятельств:

1. В анналах Тутмоса III под 24, 33(?) и 40-м годами его правления отмечены посольства и «приношения» из Ашшура²⁶; учитывая общеполитическую обстановку этого времени, указанные посольства могли носить только антимитаннийский характер: для Ашшура, не имевшего никаких точек соприкосновения с Египтом, иные мотивы трудно отыскать вообще. К тому же сам факт подобных посольств в условиях ожесточенного египто-митаннийского противоборства помещал Ашшур в лагерь врагов Митанни (ср. разгром Ашшура Сауссадаттаром митаннийским вскоре после этих событий, PDK 2, 4–9). Между тем посольства из Ашшура могли попасть в Египет либо через ведомо митаннийскую Верхнюю Месопотамию, либо через Приевфратье. Поскольку они едва ли могли избрать тайный путь «через голову» враждебного Митанни, остается предполагать, что ассирийцы двигались через Приевфратье, находившееся тогда уже не в митаннийских (т.е. при данной обстановке – в касситских) руках.

2. В тех же анналах Тутмоса III под 33-м годом его правления в разделе, посвященном азиатской дани, значатся «приношения правителя Сангара: настоящей ляпис-лазури 4 + x дебен, отделанной ляпис-лазури 24 дебена, ляпис-лазури из (самого) Вавилона – ...»²⁷. Сам факт прибытия к Тутмосу данного посольства подразумевает, с одной стороны, враждебность Вавилона к митаннийцам, а с другой – возможность, несмотря на это, сноситься с Египтом, очевидно, в обход Митанни. Такую возможность касситам могло обеспечить только господство на Среднем Евфрате.

3. В первое, решающее десятилетие войн с Тутмосом III Митанни проявляет поразительную пассивность: после битвы при Мегиддо на 23-м году своего правления фараон ни разу не сталкивается с митаннийскими войсками до самого 33-го года; зато потом митаннийские контратаки следуют почти непрерывно. Создается впечатление, что в первые десять лет войны силы Митанни были отвлечены какой-то иной угрозой. Поскольку хетты в рассматриваемый период (на который приходится крайний упадок Среднехеттского царства) составить такой угрозы не могли, ее остается искать на востоке. Единственной крупной державой здесь была Касситская Вавилония.

Таким образом, мы располагаем некоторыми косвенными данными, позволяющими заключить, что до середины 30-х годов правления Тутмоса III Митанни было сковаемо некоей широкомасштабной военно-политической напряженностью на востоке, где Вавилония и Ашшур были ему враждебны и имели возможность выражать эту враждебность отправкой посольств в ожесточенно воюющий с Митанни Египет. Учитывая все сказанное, нам кажется возможным считать, что первоначальная пассивность Митанни на египетском фронте была вызвана именно действиями Касситской Вавилонии, в конце концов отвоевавшей у митаннийцев Приевфратье, и что

²⁵ Агум II, касситский царь Вавилона (первая половина XVI в.), не упоминает Хану в своей титулатуре (ИДВ. С. 420.). Ср. новооткрытые документы из столицы Ханы – Терки, датированные последовательно по годам правлений касситско-аморейских династий Ханы, Аммицадуки и Самсудитаны, затем по неким царям с хурритскими именами (соответствующими, очевидно, эпохе Хурри-Ханигальбата) и, наконец, по правлениям Парраттарны и Сауссадаттара митаннийских (*Podany*. Op. cit. P. 59 f.).

²⁶ Helck. *Dit Beziehungen...* S. 167. Anm. 144; Burkhardt A. *Urkunden der 18 Dynastie*. B., 1984. S. 199, 208.

²⁷ Burkhardt. *Urkunden...* S. 208.

именно через него восточные противники Митанни осуществляли связь с Египтом (месопотамско-сирийский путь для них был в любом случае закрыт). В таком случае установление касситской власти на Среднем Евфрате должно датироваться примерно 20–25/30-ми годами правления Тутмоса (ок. 1475–1470/65 гг.). Сказанное вполне согласуется с тем, что последним известным нам митаннийским царем, по имени которого датировались документы в Хане, остается пока Сауссадаттар (см. выше).

Отдельную проблему представляет собой господство касситов в Тадморе и Сирийской степи, имевшее место по крайней мере при Куригальзу Старшем – Буриаше II (см. выше). Вавилонская «Хроника Р» (1, 5–9) сообщает: «Кадашман-Харбе, сын Караиндаша (...) приказал истребить многочисленных сутиев от восхода до заката солнца и привел их воинскую силу к небытию. Он устроил крепости посреди страны Хехе. Он вырыл колодцы и для усиления охраны надежно заселил их (крепости. – А.Н.) людьми»²⁸. Видеть в «многочисленных сутиях» хроники только сутиев самой Вавилонии²⁹, по нашему мнению, невозможно. Речь в тексте явно идет об освоении только что завоеванных степных территорий; в пределах же самой Вавилонии не надо было бы ни рыть колодцы, ни строить крепости. Надежный ориентир для определения действительного направления и масштабов активности Кадашман-Харбе дает упоминание страны Хехе в качестве центра его завоеваний.

Аккадоязычные источники упоминают в сугийских областях к западу от Вавилонии две «горы / горные страны» – Хехе и Басар. Последняя давно и надежно отождествлена с Джебель-Бишри³⁰. Уже это позволяет методом исключения предположительно отождествить Хехе как Джебель-Шаар; других крупных горных массивов к западу от Вавилонии, кроме Джебель-Бишри и Джебель-Шаар (с прилегающими хребтами; их совокупность с Джебель-Шаар называют еще Тадморскими горами) как будто не существует. Далее, гора Хехе упомянута в ритуальном списке гор из Богазкёя, охватывающем, как показал Х. Оттен, исключительно киликийско-северосирийский регион³¹. При этом Хехе является, по-видимому, крайним юго-восточным ориентиром для сирийской части списка, поскольку называется примерно в середине всего перечня (начинающегося с крайнего северо-западного сирийского ориентира – Амануса), а сразу вслед за ней приводятся топонимы с окончаниями на -нда и -сса, характерные только для анатолийской топонимики³². Итак, «горная страна» Хехе должна, с одной стороны, находиться на крайнем юге/юго-востоке киликийско-северосирийского региона, а с другой – служить театром антисугийской активности вавилонян. Общим этим требованиям удовлетворяет только Джебель-Шаар.

Гора Хехе упомянута также в аккадском ритуальном тексте, так называемой *lipšur-litani*³³. В общей сложности этот текст перечисляет подряд 47 гор, каждую из них определяя каким-либо эпитетом. На 38-м и 39-м местах идут: «(38) KUR Hihi lipšur KUR Amurri (39) KUR Basar lipšur KUR Amurri», т.е. «да разрешит узы гора (горная страна) Хехе, (что в горной) стране амореев, да разрешит узы гора (горная страна) Басар, (что в горной) стране амореев»³⁴. Отметим, что другие горы такой характеристики не получают. Тот факт, что из примерно полусотни гор лишь Хехе и Басар определяются как части «горной страны амореев», создает впечатление, что сама эта

²⁸ Grayson A.K. *Assyrian and Babylonian Chronicles*. N.Y., 1975. P. 171 f. О Кадашман-Харбе I (ок. 1390 г.), сыне Караиндаша, предшественнике Куригальзу Старшего, и о цитируемом отрывке «Хроники Р» см. Röllig W. *Die Glaubwürdigkeit der Chronik P.* // *Heidelberg Studien zum Alten Orient*. Wiesbaden, 1967. S. 173–175; Brinkman J.A. *Materials and Studies for Kassite History*. Chicago, 1976. P. 146 f., 151 f.

²⁹ Как полагает И.М. Дьяконов (ИДВ. С. 422).

³⁰ О торжестве Басар = Джебель-Бишри см. Buccellati G. *The Amorites of the Ur III Period*. Naples, 1966. P. 236 f.

³¹ Otten H. *Die Berg- und Flusslisten im Hišuwu-Festritual* // ZA. 1966. 59. S. 250–254.

³² Ibid. S. 254.

³³ См. Reiner E. *Lipšur-litanies* // JNES. 1956. XV. P. 134 f.

³⁴ Обоснование перевода см. там же; о KUR Amurri как «горной стране амореев» см. Buccellati. *Op. cit.* P. 237–242.

горная страна и мыслилась как совокупность двух горных массивов – Хехе и Басар. С другой стороны, общая локализация KUR Amurri определяется тремя чертами: во-первых, это горная страна, во-вторых, она включает Басар, т.е. Джебель-Бишри, а кроме него, как видим, и другие «горы» (горные области) сходного географического объема; в-третьих, в нее входит Тадмор, упоминающийся в аккадоязычных текстах как «город Тадмор ša KUR Amurrim, принадлежащий к (горной) стране амореев»³⁵. Тем самым «горная страна амореев» должна быть отождествлена как географически компактная гористая область на северо-западе Сирийской степи, включающая, кроме Джебель-Бишри, Пальмирский оазис и другие горные массивы. Как бы ни проводить точные границы подобной области, вторым главным массивом в ее составе неизбежно окажется Джебель-Шаар. Тогда на его долю и выпадет отождествление с «горой Хехе» – вторым и, по-видимому, последним после Басара (Джебель-Башри) нагорьем в составе KUR Amurri.

Воевать в районе Хехе (Джебель-Шаар) и укреплять его касситы могли бы, только владея Тадмором и большей частью Сирийской степи. Таким образом, и хронологически, и содержательно сообщение «Хроники Р» о завоевании касситами Хехе прямо примыкает к рассмотренным выше свидетельствам касситского господства в Тадморе и степных областях, поступающим начиная с правления первого же преемника Кадашман-Харбе – Куригальзу Старшего.

Дополнительный свет на ход и значение завоеваний Кадашман-Харбе проливает, как будет показано ниже, известный «Эпос об Эрре»³⁶. По содержанию эпос двуедин: обычный мифологический сюжет – повествование о смертоносном боге, намеревавшемся погубить всю жизнь на земле, но затем отказавшемся от своего намерения – насыщен чисто историческими деталями³⁷, воспроизводящими реальные бедствия вавилонян на один из периодов их истории³⁸. Для исторической идентификации этих бедствий необходимо будет привести краткое содержание «Эпоса об Эрре».

Бог чумы Эрра принимается за истребление отвернувшихся от него «черноголовых», т.е. вавилонян. Для начала он вызывает мятеж в Вавилоне против царя (IV. 1–22), за которым неизбежно следует разгром города карательной царской армией (IV. 23–35). Кроме того, «насланный (Эррой) враг» – сутии разоряют храмы Урука, Даксы (новое чтение – «Парса», возможно, тождественна Дур-Куригальзу) и Дера (IV. 52–71). Подчеркнем, что речь идет не о вторжении из-за рубежа: на таковое нет даже намек. Более того, при описании разгрома храмового комплекса Урука сообщается, что в Уруке «сутии и сутийки возглашали кличи» (IV. 54). Женщины-сутийки вряд ли участвовали в набегах, так что дело, по-видимому, заключается в мятеже местных же сутиев³⁹. Затем Эрра сменяет по отношению к Аккаду гнев на милость и решает

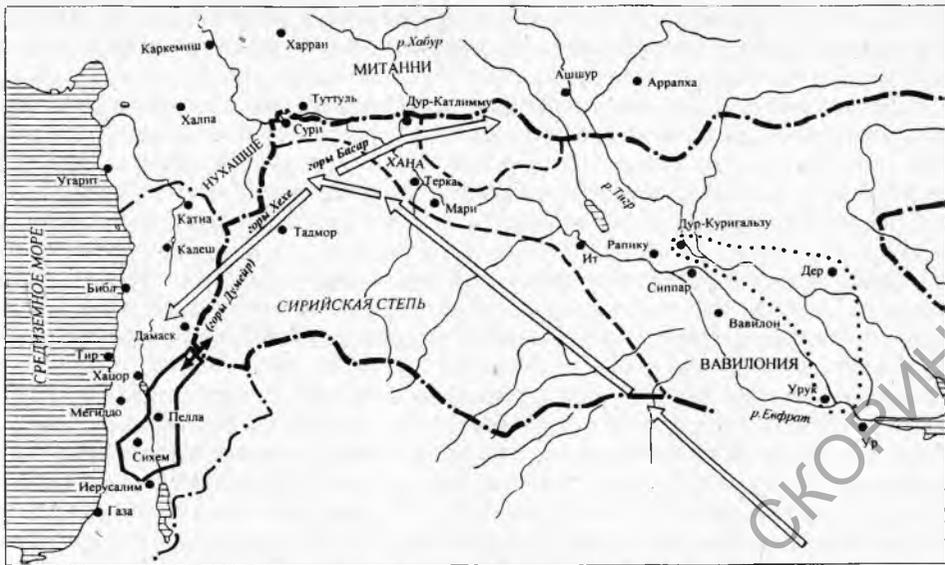
³⁵ Так в надписях Тиглатпаласара I (ARI. II. P. 23, 27, 36); Тадмор выступает здесь как единственный определяющий центр для всей «горной страны амореев».

³⁶ *Sagni L.* L'eroe di Erra // *Studi Semitici.* 34. Roma, 1969. Цит. по: Я открою тебе сокровенное слово / Пер. В.А. Якобсона. М., 1981. С. 98–120.

³⁷ См. *Lambert W. Rev.: Gossmann F.* Das Era-Epos. Wurzburg, 1956 // *AfO.* 1957–1958. 18. P. 396–398; *Brinkman J.A.* A Political History of Post-Kassite Babylonia. Rome, 1968. P. 33, 285; *Heltzer M.* The Suteans. Naples, 1981. P. 93. Подобный характер «Эпоса об Эрре» явствует прежде всего из того факта, что мифологическая окраска в нем распространяется лишь на объяснение бедствий, постигших вавилонян, сами же эти бедствия вполне реалистичны и носят в большинстве своем сугубо военно-политический характер. При этом они описываются с достаточным количеством подробностей, до такой степени лишенных художественной или мифологической нагрузки, что считать их литературным вымыслом было бы неосновательно.

³⁸ Соответствующая двойственность наблюдается и в самих выражениях поэмы: в общих заявлениях жертвами Эрры должны стать все люди и звери вообще (I. 74, 75; IIС. 25–30), однако в конкретных описаниях ими оказываются именно аккадцы или вавилоняне.

³⁹ Конечно, эти «местные» сутии могли бы появиться здесь, вообще говоря, в результате только что происшедшего переселения, как предполагает Л. Каньи (op. cit., p. 232). Однако следует подчеркнуть, что и никакие миграции в «Эпосе» не упомянуты. Географические же ориентиры восстания – Дакса, Урук и Дера означают, что в нем принимали участие прежде всего «приэламские» сутии долины Тигра и бывшего царства Ларса, т.е. племена мутиябаль и ямубала.

Карта. Западные владения Касситской Вавилонии в XV–XIV вв. до н.э. и арамейское переселение: 1 – район суйтского восстания в Вавилонии по «Эпосу об Эрре»; 2 – примерные границы египетских и вавилонских владений в эпоху Амарны; 3 – примерные границы Сихемского царства в эпоху Амарны; 4 – соприкосновение вавилонских и сихемских владений (по ЕА 255); 5 – общий маршрут ахламейско-арамейского переселения в XIV в. до н.э.; 6 – примерные границы вавилонских владений после ахламейско-арамейского переселения

наслать смуту на всех соседних с аккадцами народов, чтобы те истребили друг друга, а аккадцы «всех одолели, всеми стали бы править» (IV. 130–137). Во исполнение этого замысла слуга Эрры Ишум уничтожает «гору (горную страну)» Хеке. Примечательно, что разворачивая описание разрушения самой горы Хеке, повествователь без всякой оговорки прямо продолжает его картинами опустошения куда более обширной территории: «К горе Хеке подошел воитель, руку занес и разрушил гору. Гору Хеке сровнял с землею, выкорчевал деревья в лесу кедровом. Словно Ханиш прошел, такой стала чаща. Города он разрушил, обратил в пустыню, горы снес, уничтожил их живность, моря всколыхнул, истребил их богатства, искоренил тростниковые заросли, сжег их как пламя» (IV. 141–149). Грядущий итог этих деяний Эрры определяет так: «Пусть люд малочисленный размножится снова(...). Слабый аккадец могучего сутия да повергнет, один семерых, как овец, погонит. Города их – в руины, а горы обрати в пустыню, их богатый полон приведи в Шуанну (...). У гор их богатства, у морей возьмите их дани» (V. 25–34). Из этих фраз видно, что действия Эрры и Ишума во благо аккадцев были направлены прежде всего на ниспровержение сутиев. В описании этих действий обращают на себя внимание следующие моменты:

А. «Искоренить тростниковые заросли» и «всколыхнуть море» на горе Хеке было, разумеется, невозможно. Ясно, что речь идет о низовьях Тигра и Евфрата, где (как и на горе Хеке) жили сутии, в самом деле выступавшие в то время как враги аккадцев, разрушители храмов Урука и Дера. А поскольку этот разгром «моря» и «тростников» изображен как прямое продолжение опустошения Хеке, то, значит, здесь описывается общее сокрушение сутиев от запада до востока. И действительно, именно такое сокрушение сутиев (силами уже не самого Эрры, но аккадцев, призванных осуществить его замысел) провозглашается в заключительном заявлении бога (V. 25–34), где опять-таки упоминаются и моря, и горы.

Б. Решающим моментом этого всеобщего сокрушения сутиев в глазах автора тек-

ста является разгром Хехе. Подчеркнем, что образ горы Хехе не несет какой-либо мифологической нагрузки, способной оправдать ее исключительную роль в «Эпосе»; таким образом, эта роль должна принадлежать реальной истории.

В. Характерно, что если начальные заявления Эрры о грядущем торжестве аккадцев содержат угрозы в адрес всех окрестных народов, то его конкретные действия и приказы затрагивают исключительно сутиев. Точно так же только сутии (не считая внутренней смуты) выступают как враги аккадцев в «бедственной» части поэмы. По сути дела, разгром сутиев – единственное проявление милостей Эрры по отношению к аккадцам.

Г. Распоряжения Эрры о спасении и конечном военно-политическом торжестве аккадцев над сутиями звучат в «Эпосе» как подлежащие безусловному исполнению, т.е. исполненные на момент составления текста. Действительно, подводя итоги повествованию, автор говорит, что остатки (аккадцев) уже спаслись (V. 41); а это спасение в созданном предыдущими пассажами контексте должно было состоять прежде всего в ниспровержении сутиев. Значит ли это, что соответствующие события имели место в действительности или речь идет о чисто литературном приеме? При ответе на данный вопрос необходимо иметь в виду, что жанр исторической утопии (как и антиутопии) ближневосточной литературе совершенно чужд. Если бы конечная победа аккадцев, в отличие от ранее пережитых ими бедствий, не состоялась бы реально, изображать ее как совершившийся факт и вкладывать ее предвещание в уста бога было бы совершенно бессмысленно (и к тому же оскорбительно для божества). Наконец, «Эпос об Эрре» многократно копировался и пользовался исключительной популярностью на протяжении нескольких сот лет в I тыс. до н.э.⁴⁰ Едва ли его могла постичь такая судьба, если бы обещание вавилонского триумфа, составляющее весь смысл его финала, оказалось бы ложным. По всем этим причинам мы вправе отнести разгром сутиев к числу реальных событий, составивших историческое ядро «Эпоса».

Итак, историческую основу «Эпоса об Эрре» можно реконструировать следующим образом: на фоне разразившейся в Вавилонии внутренней смуты произошло восстание южномесопотамских сутиев, разграбивших соседние города (и особенно – городские храмы). Ответом вавилонян был полный разгром сутиев от тростниковых зарослей Южной Месопотамии до горы Хехе (которая и мыслилась главным их средоточием). Иными словами, подавив восстание, вавилоняне перенесли войну во внешние сутийские пределы и сумели завоевать их. Основное содержание «Эпоса» сводится к борьбе с сутиями как таковыми.

Специалисты давно пытались найти изложенному сюжету историческое соответствие. Как правило, они связывают его с событиями посткасситской истории XI в.⁴¹, когда при Адад-апла-иддине сутии при некотором участии арамеяев вторглись в Вавилонию, разрушили Дер, Ниппур (и ниппурский храм), Даксу/Парсу (Дур-Куригальзу?) и храм в Сиппаре и «унесли добычу Шумера и Аккада (назад) в свою страну» (Eclectic Chronicle. 9–11⁴²). Все это сопровождалось вторжением ассирийцев, также разграбивших страну (в частности тот же Ниппур)⁴³. Несмотря на известное сходство этих событий с содержанием «Эпоса об Эрре», нам кажется необходимым по ряду причин отвергнуть их соотношение:

1. Смута в самом Вавилоне и разгром его царским войском при описании событий XI в. никем не упоминаются.

2. Во времена Адад-апла-иддина в Сиппаре усилиями сутиев оказывается разгромлен храм. Согласно «Эпосу об Эрре», там (в отличие от Урука, Дера и Дур-Куригальзу) разрушаются только городские стены и укрепления (IV. 50–51), и ответствен-

⁴⁰ *Оптенхейм А.* Древняя Месопотамия. М., 1990. С. 203, 212.

⁴¹ *Lambert.* Op. cit. P. 397 f. *Edzard D.O.* Irra (Erra)-Epos // RLA. 3/4. 168 f.; *Heltzer.* Op. cit. P. 92–94. Их выводы приняты и отечественными востоковедами, например, В.А. Якобсоном; см. Я откроею... С. 299.

⁴² *Grayson.* Assyrian and Babylonian Chronicles... P. 180 f.

⁴³ См. об этих событиях и корпусе сообщающих о них источников в: *Brinkman.* A Political History... P. 285 ff.; см. также *Heltzer.* Op. cit. P. 90–92.

ность за это лежит скорее на царских карательных войсках, упоминающихся в тексте немногим ранее, чем на сутиях (которые в «Эпосе» всюду опустошают именно храмы).

3. Сутии XI в. вторгаются в Вавилонию из-за рубежа, а затем возвращаются обратно, унося взятую ими добычу «в свою страну». Разоряющие край сутии «Эпоса об Эрре» селились в самой Вавилонии.

4. Центральное место во всех повествованиях о потрясениях XI в. занимает разорение Ниппура сутиями и ассирийцами. Между тем «Эпос об Эрре» не числит ассирийцев среди виновников вавилонских бедствий и вовсе не упоминает Ниппур. Последнее обстоятельство, учитывая исключительное религиозное значение этого города, является особенным препятствием для соотнесения «Эпоса об Эрре» с историей XI в. Заметим, что оплакиваемый в «Эпосе» Урук в событиях XI в., наоборот, не участвует.

5. В событиях XI в. отличился Шимбар-Шиху, «витязь Приморья», который избавил Вавилонию от сутиев, восстановил разрушенные храмы и стал первым царем новой, приморской династии в Вавилонии (Eclectic Chronicle. 12–13)⁴⁴. В «Эпосе об Эрре» приморцы упоминаются среди враждебных Вавилону народов, обреченных на уобицы и подчинение аккадцам (IV. 131).

6. Кульминацией «Эпоса об Эрре» является разгром сутиев Сирийской степи вплоть до горы Хехе. Ничего подобного в XI в. не происходило. К тому же сам район гор Хехе был в то время не сутийским, а арамейским (ахламейским), и стало быть, не мог восприниматься в качестве центра сутиев как таковых. Вообще, для конца II тыс., т.е. времени, когда вавилоняне всеми силами, но без особенного успеха пытались отстоять собственную страну от массовых вторжений кочевников, описание всеобщего торжества над сутиями как уже совершившегося события звучало бы злой издевкой.

Учитывая все сказанное, мы считаем невозможным соотносить с «Эпосом об Эрре» эпоху Адад-апла-иддина. Зато эпоха Кадашман-Харбе I подходит для этого как нельзя лучше. Общий триумф над сутиями (от Персидского залива до крайнего запада), о котором повествует «Эпос», не имеет других прецедентов в месопотамской истории, кроме ниспровержения тех же сутиев «от заката до восхода» при Кадашман-Харбе. Далее, в обоих случаях центром событий оказывается гора Хехе. Последнее, на наш взгляд, особенно важно, поскольку область Хехе слишком незначительна и далека от Вавилонии, чтобы предполагать возможность нескольких повторяющихся случаев ее включения в историю Месопотамии, да еще в столь важной роли. Иными словами, сама причастность Хехе к месопотамским событиям служит важнейшим залогом прямого соотнесения «Эпоса об Эрре» с деятельностью Кадашман-Харбе I. Таким образом, «Эпос» является вторым (после «Хроники Р») нарративным источником по истории этой деятельности⁴⁵.

Подведем итог нашему анализу политической ситуации на Среднем Евфрате и в Сирийской степи в XV–XIV вв. В течение третьего – начале четвертого десятилетия правления Тутмоса III Митанни оказалось втянуто в длительную конфронтацию на востоке, завершившуюся переходом района Хана – Мари и продолжающей его части долины Евфрата вплоть до Нухашше под власть касситов. К концу XV в. ситуация меняется, и во время сервосирийских операций Тутмоса IV против Митанни касситы

⁴⁴ Grayson. Assyrian and Babylonian Chronicles... P. 181; см. Heltzer. Op. cit. P. 91–92.

⁴⁵ Препятствием для проведенного нами соотнесения могло бы показаться упоминание в «Эпосе» Даксы (при условии, что она, как это обычно считают, тождественна Дур-Куригальзу): ведь Куригальзу Старший, обычно считающийся основателем этого города, правил после Кадашман-Харбе. Однако, не говоря о том, что Куригальзу мог превратить в свою столицу Дур-Куригальзу уже существующий город Даксу (на это может указывать само наличие у города двух названий), имеются веские основания приписать строительство Дур-Куригальзу не Куригальзу Старшему, а его вероятному одноименному предшественнику XVI в. (об этом последнем и о том, что Дур-Куригальзу существовал до Куригальзу Старшего, см. Goetze A. The Kassites and Near Eastern Chronology // JCS. 1964. 18. P. 99–101, где используется в том числе и археологическая аргументация).

выступают против египтян. В результате одновременно с заключением заложившего основы «амарнского мирового порядка» египетско-митаннийского союза (Тутмос IV – Артадама) подобный же союз был заключен египтянами с касситами (Тутмос IV – Караиндаш). При этом с переходом Северной Сирии к Митанни касситы утратили территориальный контакт с Египтом и могли поддерживать не зависящие от третьей великой державы связи с этой страной только через Тадмор, пока им, однако, не подконтрольный. Сложившаяся ситуация должна была еще более обостриться из-за начавшейся вскоре после завершения митанно-египетских войн хетто-митаннийской борьбы за Сирию. Эта борьба превращала Сирию в очаг периодических военно-политических потрясений и тем самым дополнительно повышала относительную ценность безопасного тадморского пути в Египет (и без того наиболее удобного для вавилонян с географической точки зрения). В таких условиях независимость Тадмора входила в резкое противоречие с внешнеполитическими интересами касситов. Назревшая проблема разрешил Кадашман-Харбе, распространивший касситскую власть на Тадмор (через который с тех пор и осуществлялись вавилоно-египетские связи) и Сирийскую степь в ходе общего разгрома сутиев как в самой Месопотамии, так и за ее пределами. Достигнутые при этом рубежи касситские цари удерживали на протяжении всей амарнской эпохи.

2. *Приевфратье и Сирийская степь во второй половине XIV в. Этнические передвижения и крушение касситского владычества на западе.*

Данные ассирийских источников свидетельствуют о том, что власть касситов на западе оказалась недолговечной. Так, в своем письме Эхнатону (1368–1351 гг.) Ашшур-убаллит I (1353–1318 гг.) сообщает: «Те, кто задержал твоих послов – это сутии, которые следовали за ними. Им грозила смерть, пока я не распорядился, и сутиев, следовавших (за ними), которые схватили (их), я пленил. Моих послов они да не задержали бы!» (EA 16: 37–41). Сутии, о которых здесь идет речь, не являлись подданными ни одной из великих держав, поскольку Ашшур-убаллит не возлагает ответственности за безопасность египетских послов на какому-либо из них и преследует упомянутых сутиев сам. Не были они и подданными Ашшур-убаллита: он нигде об этом не упоминает и к тому же открыто опасается (несмотря на свой успех), что эти сутии задержат его собственных послов. В то же время из текста следует, что эти независимые сутии были соседями Ашшура и контролировали отрезок пути из Египта в Ассирию, т.е. должны были размещаться на северной – северо-восточной периферии региона Хана – Мари. Между тем независимые сутии могли появиться здесь только в результате ослабления Митанни или Касситской Вавилонии. Последнее кажется более вероятным, поскольку Митанни еще оставалось тогда великой державой, предпринимавшей наступательные войны против египтян (при Тушратте) и хеттов (при Артадаме II), а в последней войне использовало, между прочим, собственные сутийские войска⁴⁶. Кроме того, египетские послы, упомянутые в EA 16, должны были двигаться в Ашшур именно через Тадмор: второй возможный маршрут через Сирию и Митанни был намного длиннее и проходил в это время через зону хетто-митаннийского противоборства. Тадморский же путь, как можно заключить из прибытия враждебных к Митанни ашшурских посольств в Египет в XV в. (и, по-видимому, аналогичного посольства Ашшур-надин-аххе II, EA 16: 29 сл.), пролегал только по вавилонской и ассирийской территории, минуя Митанни⁴⁷; тогда сутиев, встретившихся египтянам по пути в Ашшур, действительно можно локализовать только на (бывшей) вавилонской территории. Их независимость позволяет предположить, что ко времени отправки EA 16 касситское господство на западе, еще

⁴⁶ См. *Guterbock H.G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by His Son Mursili II // JCS. 1956. 10. P. 92 f.; cp. Heltzer. Op. cit. P. 85 f.*

⁴⁷ Такая дорога, прямо соединявшая Мари и Ашшур в обход Митанни, известна и по другим источникам (см. *Hallo W.W. The Road to Emar // JCS. 1964. 18. P. 59–87. Cp. The Harper Atlas of the Bible. N.Y., 1987. P. 36*). Кроме прочего, она была для ассирийцев еще и самой короткой.

прочное в начале правлений Эхнатона и Бурна-Буриаша II, внезапно перестало существовать.

В самом деле, в титулатуре Адад-нерари I (1295–1264 гг.), перечисляющей основные достижения всех его предков, один из них, Арикденили (1307–1296 гг.), определяется как «покоритель страны Турукки и страны Нигимхе до края их, всех правителей гор и холмов обширной области кутиев, покоритель страны Кутмухи и всех ее союзников, (а также) полчищ ахламеев, сутиев, яуриев, вместе с их странами»⁴⁸. В содержащемся здесь перечне кочевых племен особое внимание обращают на себя ахламеи, еще незадолго до этого жившие, несомненно, за сотни километров от Месопотамии, у южных пределов Сирийской стели и далее⁴⁹. Подчеркнем, что при Арикденили Ассирия, владея лишь крайним востоком Верхней Месопотамии, была зажата между активно угрожавшей ей Вавилонией⁵⁰ и Митанни и никаких войн за Евфратом, вести, разумеется, не могла. Театром военных действий Арикденили против кочевников должна была быть сама Верхняя Месопотамия, точнее, ее районы, прилегающие к Ассирии с запада⁵¹ (в самом деле, яурии локализованы в Синджаре). Появление ахламеев среди названных кочевников означает тем самым, что в промежутке между амарнской эпохой и правлением Арикденили в Сирийской степи имело место мощное перемещение племен, в результате которого часть ахламеев пересекла Евфрат и очутилась в Верхней Месопотамии, у ассирийских границ. Само такое перемещение равнозначно краху касситской власти на западе. Ход событий, предположенный нами выше, получает существенное подтверждение.

Другие источники позволяют подкрепить наши выводы. Так, Салманасар I (1263–1234 гг.) указывает, что Шаттуара митаннийский, воюя против него, использовал помощь «войск хеттов и ахламеев»⁵². Эти ахламеи – уже несомненные обитатели Верхней Месопотамии: к моменту похода Салманасара на Митанни вся долина Среднего Евфрата принадлежала ассирийцам⁵³, и получить помощь от завфратских ахламеев митаннийцы бы не смогли. Тукульти-Нинурта I (1233–1197 гг.) в перечне завоеванных им стран называет Джебел-Бишри, т.е. бывшие «Горы амореев», «Горами ахламеев»⁵⁴. Немногим ранее ахламеи чинили препятствия вавилонским послан на пути в Хатти (т.е. в долине Евфрата), и Хаттусилис III запрашивал

⁴⁸ ARI. I. P. 58. Обоснование перевода см. в: *Kupper J.-R. Les nomads en Mesopotamie au temps des rois de Mari*. P. 1957. P. 104. Not. 2.

⁴⁹ Судя по документам, говорящим о враждебных контактах неких ахламу с наместником Дильмуна при Бурна-Буриаше II (ср. датировку! см. *Kupper. Les nomads...* P. 108–110; *De Vaux R. Early history of Israel*. V. 1. L., 1978. P. 202), территория их первоначального обитания находилась в Северо-Восточной Аравии (и их дальнейшее расселение совершалось с юго-востока на северо-запад). Добавим, что среди ассирийских источников именно титулатура Адад-нерари I (в части, касающейся Арикденили) первой упоминает ахламеев.

⁵⁰ *Brinkman. Notes...* P. 309.

⁵¹ Кстати, именно здесь размещались независимые сутии, упомянутые в EA 16 (см. выше).

⁵² ARI. I. P. 82.

⁵³ Митаннийская кампания Салманасара состоялась в первые годы его царствования (см. *Harrak A. Assyria and Hanigalbat*. N.Y., 1987. P. 157–162). Между тем уже отец Салманасара, Адад-нерари I, к концу своего правления овладел, как видно из его титулатуры, долиной Среднего Евфрата (АН. II/2. P. 274 f.). Начало правления самого Салманасара было временем широкой ассирийской экспансии, и предполагать, что в это время он вдруг утратил завоевания отца, нет никаких оснований. Наконец, из Kbo I 10 – письма Хаттусилиса III в Вавилон, приходящегося на завершение царствования Адад-нерари или начало правления Салманасара (*Harrak. Op. cit.* P. 127), прямо следует, что в интересующее нас время ассирийские владения перекрывали вавилонянам путь на запад, т.е. включали Приевфратье (Kbo I 10: Obv. 44–49).

⁵⁴ ARI. I. P. 119. В числе различных захваченных им стран Тукульти-Нинурта называет подряд «Мари, Хану, Рапику, Горы ахламеев». Никаких других среднеевфратских, степных или верхнемесопотамских областей этот текст не упоминает. Таким образом, «Горы ахламеев» должны идентифицироваться как горная область, заселенная кочевниками и при этом примыкающая к географическому анклаву Мари – Хана – Рапику. Единственной такой областью является Джебел-Бишри.

Кадашман-Эллила II (КВо I 10: Obv. 37–39): «В чем дело, почему брат мой перестал посылать своих послов из-за ахламеев?»⁵⁵.

Таким образом, к середине XIII в. ахламеи действительно проникли в Верхнюю Месопотамию и, более того, сменили амореев (в том числе как этнос, по которому ассирийцы именовали географические объекты) в самом сердце аморейской территории, на Джебель-Бишри. Это могло быть только результатом крупной миграции, подразумевающей значительные перемены в Сирийской степи и сопредельных районах.

Наконец, амарнское письмо EA 200: 7–17 (неизвестный азиатский вассал Египта – египетскому царю) упоминает в плохо сохранившемся пассаже ахламеев вместе с царем Кардуниаша⁵⁶; таким образом, появление ахламеев, до тех пор неведомых Месопотамии, на ее рубежах действительно должно датироваться правлением Эхнатона⁵⁷. EA 200, очевидно, отразило самое начало ослабления касситской власти на западных путях.

Некоторые подтверждения наша гипотеза находит в синхронных исторических материалах Сирии-Палестины. Например, известно, что в отличие от хапиру Амурру, активно проявлявшим себя уже на исходе правления Аменхотена III, палестинские хапиру начинают свою разрушительную для Египта деятельность только при Эхнатоне⁵⁸, причем скорее в середине – второй половине его правления⁵⁹. Подчеркнем, что эта деятельность имеет характер самостоятельной территориальной экспансии, если не миграции, хапиру в направлении с севера на юг (от районов Дамаска – Хацора в Южную Палестину). Таким образом, движение хапиру во времени примерно совпадает с рассмотренным выше большим перемещением племен на восточных рубежах Сирии-Палестины, положившим конец касситскому владычеству в степях. Можно думать, что это перемещение и дало первичный импульс движению хапиру в Центральную-Южную Палестину. В самом деле, под давлением со стороны нового очага расселения ахламеев в северной части Сирийской степи обитателям района Дамаска – Хацора было бы естественно отступать именно в общем направлении на юг.

Далее, с завершением амарнской переписки исчезают какие-либо упоминания о княжествах Хаурана, известных при Тутмосе III и Эхнатоне (т.е. с XV по середину XIV в.) в качестве египетских вассалов. В источниках времени Сети I – Рамсеса II (конец XIV – вторая половина XIII в.) эти княжества уже не упоминаются, хотя названные цари владели самой долиной Ярмука⁶⁰ и этот район освещается их памятниками. Согласно же Ветхому Завету, в указанное время (XIII в.) здесь находилось царство Башан, ранее неизвестное. Таким образом, в середине – второй половине

⁵⁵ См. *Oppenheim L. Letters from Mesopotamia*. Chicago, 1967. P. 136–139; *Harrak*. Op. cit. P. 83–85.

⁵⁶ По всей видимости, речь идет о помах, которые ахламеи чинили вавилонским караванам (*Les Lettres d'El Amarna*, P., 1987. EA 200. Not. 2). В самом деле, в переписке египетских вассалов с фараоном Вавилония и ахламеи могли упоминаться рядом, очевидно, только в контексте, относящемся к тому или иному состоянию внешних связей египетской Азии. Заметим, что по времени это первое (наряду с донесением льдымунского наместника) упоминание ахламеев в аккадоязычных источниках Среднеавилонского периода (ср. *Kupper. Les nomads...* P. 106 f.).

⁵⁷ Датировать EA 200 более поздним временем не позволяет хронологическое ограничение для амарнской переписки, помещать его ранее мешает отсутствие упоминаний ахламеев и вообще каких-либо затруднений в египто-авилонских сношениях при Аменхотепе III.

⁵⁸ Ср. вероятную датировку подавляющего большинства писем, описывающих деятельность палестинских хапиру (EA 148, 273–274, 286–290, 298–299, 305) временем Эхнатона (*Campbell E.F. The Chronology of the Amarna Letters*. Baltimore, 1964. P. 134 f.). См. также прим. 59.

⁵⁹ Межгосударственная переписка Амарны (заведомо охватывающая значительную часть правления Эхнатона) никаких опасностей для послов со стороны хапиру не упоминает; между тем анархия, воцарившаяся в Палестине усилиями хапиру, не могла не повлечь за собой таких опасностей в достаточно большой степени. Очевидно, деятельность палестинских хапиру приходилась в основном на период после прекращения международной корреспонденции амарнского архива.

⁶⁰ *Aharoni Y. The Land of the Bible*. L., 1979. P. 178 ff., 182 f.

XIV в. Северное Заиорданье пережило общий политический переворот. Не было ли это еще одним звеном в цепи этнополитических перемен, вызванных ахламейским переселением времени Эхнатона? В самом деле, появление новой волны кочевников в Сирийской степи должно было самым существенным образом сказаться на ее окраинах, включая Заиорданье.

Итак, ряд источников свидетельствует о том, что в середине – второй половине XIV в., а точнее – к концу правления Эхнатона в Сирийской степи произошло крупное передвижение племен, уничтожившее касситское владычество на западе. Главной движущей силой этого передвижения были ахламеи, впервые появившиеся на границах Месопотамии; они прорвались за Евфрат в Верхнюю Месопотамию и сменили сутиев-амореев в качестве основного населения по крайней мере в некоторых районах Сирийской степи и Приевфратья⁶¹. Эти события отразились и в документах амарнского архива: после нескольких десятилетий беспрепятственного развития месопотамско-египетских контактов в амарнских письмах начинают упоминаться кочевники, угрожающие связям Египта с Вавилоном (ахламеи, EA 200) и Ассирией (сутии, EA 16). В итоге касситы утратили, помимо отдаленных владений, какие-то территории в месопотамской части Приевфратья (где жили независимые сутии, упомянутые в EA 16, и ахламеи, с которыми впоследствии столкнулся Арикденили) и Джебель-Бишри (которое было так прочно занято пришельцами, что вскоре оказалось переименовано по ним в «Горы ахламеев»). Самую долину Среднего Евфрата Вавилония, однако, удерживала вплоть до начала XIII в., так как касситский царь Кадашман-Тургу (ок. 1280 г.) еще мог посылать хеттам вспомогательные войска против Египта⁶² и, следовательно, продолжал сохранять общую границу с хеттскими владениями в Сирии. Только Адад-нерари I отвоевал Приевфратье у вавилонян (ок. 1270 г.). По-видимому, к выделяющемуся тем самым периоду, когда Вавилония уже утратила Сирийскую степь, но еще сохраняла Приевфратье (конец XIV – начало XIII в.), относится посланное в Дур-Куригальзу и обнаруженное там донесение средневавилонского времени⁶³. Этот документ, посвященный в основном деятельности ассирийцев и хеттов, демонстрирует касситскую власть на Среднем Евфрате, в частности в Сухи и Мари. Неизвестное лицо, сообщая в касситскую столицу о хетто-ассирийских отношениях и о перемещениях племен хирана и хасму (впоследствии известных как арамейские) в Верхней Месопотамии, пишет: «Отряд хирана – [половина] его расположилась в стране Субарту, среди городов, которые захватил [царь] Ассирии, [а половина его расположилась в стране Сухи и стране Мари [перед господином моим]»⁶⁴. Упоминание арамейцев в Верхней Месопотамии и ассирийских захватов в Ханигальбате датирует это письмо, самое раннее, временем «шубарейского» похода Ашшур-убаллита или, что более вероятно, эпохой западной экспансии Адад-нерари. С последней датировкой согласуется и описанная здесь же трехлетняя задержка ассирийского посла хеттами, сменившаяся нормализацией хетто-ассирийских отношений непосредственно к моменту отправки письма⁶⁵. Поскольку Мари и Сухи в рассматриваемом документе не включаются в «Субарту» (т.е. в ассиро-митаннийскую Верхнюю Месопотамию), а противопоставляются ей, и появление в них отряда хирана считается, как видно, делом вавилонского царя, остается полагать, что в период составления письма можа обе эти «страны» принадлежали вавилонянам. Тем самым, кстати, отпадает возможность датировать рассматриваемое донесение эпохой митаннийских завоеваний Салманасара I, как это вскользь

⁶¹ Коренное население Сирийской степи, по-видимому, оказалось частично вытеснено пришельцами, что вылилось в череду миграций, завершившихся вторжением хапиру из области Дамаска – Хацора в Палестину, а также полной сменой политической карты Северного Заиорданья.

⁶² КВо I 10: Rev. 59–66.

⁶³ Gurney O.R. Texts From Dur-Kurigalzu // Iraq. 1949. XI. P. 139 f.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Эпизоды подобных задержек известны при правлении Урхи-Тешшуба. Ibid. P. 141.

делает М. Астур⁶⁶: к тому времени ассирийцам целиком принадлежал и Средний Евфрат⁶⁷. Заметим, что отсутствие упоминания Ханы в рассмотренном тексте не означает ее включения в Субарту: она могла и включаться в Мари, и вообще не быть затронута приходом хирана (так оно скорее всего и было: едва ли половина одиночной группы хирана могла расселиться по нескольким областям. Сведения письма означают, по всей вероятности, что хирана попали как раз в пограничье Сухи и Мари)⁶⁸.

Итак, долина Среднего Евфрата, несмотря на расселение ахламеев по обе стороны этой реки, оставалась к началу XIII в. до н.э. за Вавилонией. Удивления это не вызывает: кочевники могли прорваться за линию Евфрата, на которой размещались укрепленные Мари и Терка, но едва ли могли и хотели их взять.

А.А. Немировский

⁶⁶ См. *Astour M.C. Who was the King of the Hurrian Troops at the Siege of Emar? // Emar: the History, Religion and Culture of a Syrian Town in the Late Bronze Age / Ed. M.W. Chavalas. Bethesda, 1996. P. 26.* Теоретически возможна еще более поздняя датировка чрезвычайно коротким промежутком в начале 1220-х годов – между следующим ассирийским завоеванием Ханигальбата в первые годы правления Тукульти-Нинурты (ок. 1230 г.) ит завоеванием самой Вавилонии вместе с ее среднеевфратскими владениями (ок. 1225 г.). Однако с такой датировкой плохо согласуются и нормализация хетто-ассирийских отношений на момент отправки письма, и их предшествующее (падающее в этом случае на самое начало правления Тукульти-Нинурты, до его походов в хурритские страны) трехлетнее осложнение: как известно, при воцарении Тукульти-Нинурты хетты, напротив, прямо заискивали перед ним, а с его дальнейшими походами на запад их отношения могли только ухудшаться. Как видим, вероятная динамика хетто-ассирийских отношений в рассматриваемую эпоху оказывается противоположна той, что рисует наш документ. Таким образом, обсуждаемая датировка отпадает (об относительной хронологии правления Тукульти-Нинурты и его отношениях с Хатти см. *Harrak. Op. cit. P. 257, 265; 237–251.*)

⁶⁷ См. прим. 53.

⁶⁸ В связи с этим следует остановиться на отрывке из договора Суппилулиумаса с Шаттивасой (PDK I: Rev. 18–21), согласно которому хеттскому царевичу Пияссилису в числе прочих городов «Астаты (и?) берега Митанни» передается город *Ti-ga*, идентифицируемый по написанию с хорошо известной ханейской Теркой (PDK: S. 24. Anm. 1; *Harrak. Op. cit. P. 45.*) Если это отождествление правильно, то Хана в XIV в. принадлежала митаннийской, а не вавилонской Месопотамии, т.е. ее участь была отлична от участи Мари. Проще всего тогда было бы считать, что с XVI–XV вв. Хана и оставалась непрерывно под властью Митанни, а Мари – под властью вавилонян. Однако, во-первых, указанный отрывок PDK I ставит присоединение своей *Ti-ga* и прочих упомянутых в нем городов в связь с походом Пияссилиса через Евфрат в Ирриде (северо-запад Верхней Месопотамии). Трудно представить себе, как такой поход мог бы привести к утверждению хеттской власти на Нижнем Хабуре! Во-вторых, если в XVIII–XVII вв. название Терки ханейской действительно передавалось написанием *Terqa*, то уже на рубеже XVII–XVI вв. его писали как *Sitqi*, так же, как в новоассирийское время (*Podany. Op. cit. P. 58.*), а следовательно, и на протяжении всего Среднеавилонского / Среднеассирийского периодов (XVI/XV–XI вв.). Таким образом, город, именовавшийся «Теркой» в договоре XIV в., едва ли мог совпадать с ханейской Теркой (в написании того времени, собственно говоря, «Сирку»). В-третьих, хетты перечисляют присоединенные города по существующим на момент заключения договора географическим «странам» (например, все территории, отходящие к Пияссилису, включаются тем самым в его каркемишское царство, но в договоре названы как «Астата (и) берег Митанни», отдельно от городов области Каркемиша). Учитывая это, было бы странно, если бы ханейская Терка оказалась определена как город «берега Митанни» или «Астаты», а не «Ханы». Наконец, если владения Пияссилиса простирались по Евфрату до Хабур, то они включали бы и такой важный центр, как Верхний Туттуль; однако Туттуль в PDK I не упоминается. Очевидно, *Ti-ga* PDK I была одним из привифратских населенных пунктов западной части Верхней Месопотамии, и у нас по-прежнему нет оснований разделять исторические судьбы Мари и Ханы.

THE WESTERN DOMINIONS OF KASSITE BABYLONIA (XV–XIV cc. B.C.)
AND THE ARAMAEAN (AKHLAMAEAN) MIGRATION

A.A. Nemirovsky

From various sources (especially from Thutmose IV chariot-inscription, EA 9: 19–30, EA 76: 11–16 and EA 255: 8–25) it can be seen that Kassite Babylonia of Amarna period had a vast section of common border with Egyptian possessions in Asia while Middle Euphrates region (Hana-Mari) and even Tadmor were under a strong political control of Babylonian kings. This control spread to Hana-Mari (formerly Mitannian) region already in the times of Karaindash I (c. 1415 B.C.) and can be dated back to the period of Thutmose III successful Mitannian war, while the annexation of Tadmor can be connected with the well-known Sutean conquests of Kadashman-Harbe I (Chronicle P, 1: 5–9, which informs us about his conquest of Hehe Mountains (localised there in the Northern Palmyrene) and the so called Erra-epos, which can be proved to concern mainly this period).

On the contrary, EA 16: 37–41, EA 200: 7–17 and Assyrian sources of late XIV – middle XIII cc. B.C. give us a picture of deep penetration of the nomads, including Akhlamaens/Aramaeans, in Upper Mesopotamia, Southern Syria (Pa-Aramu among Merneptah's possessions) and Syrian Steppes. These changes can be explained by the Akhlamaean-Aramaeian migration at the end of Amarna period, which had destroyed the Western empire of Kassite dynasty and led its close relations with Pharaohs to a sudden end. Nevertheless Hana-Mari region was retained by Babylonia, – only to become an object of Assyrian-Babylonian struggle under Adadnerari I.